

УДК 9(57)

**«Сделать народы Сибири русскими...»
(к вопросу об унификации системы управления
русским крестьянским и коренным населением Сибири
во второй половине XIX в.)**

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются предложения сибирских и петербургских чиновников по упразднению сословия сибирских инородцев и приравниванию их в правах и обязанностях к русским крестьянам.

Ключевые слова: Сибирь, инородцы, русские крестьяне, управление, унификация.

Присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М. Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией [35, с. 15; 12, с. 383]. Дальнейшие взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в немалой степени определялись характером присоединения этих земель к России. Ко времени прихода русских в Сибирь ее огромные, кажущиеся на первый взгляд незаселенными территории были освоены и обустроены местными народами. Но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в России. С появлением русских в Сибири началась перестройка системы общественного разделения труда, проникновение товарно-денежных отношений, что оказало огромное влияние на динамику и социальную структуру туземного общества, его политическую организацию, характер международных отношений в регионе. В исторической литературе территориальное расширение России обычно рассматривается как создание империи. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колониционную политику России в Сибири от политики США

по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с востока на запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с запада на восток правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России и государств Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания ангlosаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. Продвижение русских на восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, тем не менее в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. Обращает на себя внимание факт эволюции официального названия народов Сибири. Если в XVII столетии это «ясачные иноземцы», т. е. люди, еще не окончательно вступившие в подданство России, то в XVIII и начале XIX в. это уже «ясачные иноверцы». В 1822 г. в ходе разработки и проведения в жизнь известных сибирских реформ М. М. Сперанского в российское законодательство вводится термин «иностранцы», который вплоть до 1917 г. являлся официальным названием народов Сибири и закреплял за ними определенные права и преимущества (например, освобождение от воинской службы). Эти же принципы были закреплены в «Уставе об управлении иностранцев», который не только не ломал существующую у народов Сибири традиционную систему управления и самоуправления, но и стремился интегрировать ее в складывающийся на окраинах империи государственно-правовой механизм.

В соответствии с «Уставом об управлении иностранцев» 1822 г. коренное население делилось на три разряда – оседлых, кочевых и бродячих. Порядная система обуславливала гражданское состояние аборигенов. Оседлые иностранцы приравнивались к сословию государственных крестьян во всех

правах и обязанностях, кроме рекрутской повинности. Кочевые приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На бродячих жителей распространялись, за небольшим исключением, правила, «для кочующих постановленные». Органы самоуправления кочевых народов разделялись на три ступени: родовое управление – низшая (для отдельных улусов и стойбищ), инородная управа – средняя (для нескольких стойбищ и улусов), степная дума – высшая (для всего племени).

В общих чертах основные положения «Устава» были подтверждены вторым Сибирским комитетом в 1852 г. Национальная программа царизма предусматривала подчинение оседлых аборигенов общим крестьянским учреждениям и установлениям. В отношении кочевых и бродячих коренных жителей предлагалось изыскать средства для привлечения их к оседлости и «ограждению от разных притеснений». Определение конкретных мер в этом направлении следовало предоставить местной администрации, которая в основу своих действий обязывалась положить принцип незыблемости «главных оснований Сибирского учреждения 1822 г.». Выражая пожелания мелочных улучшений быта аборигенов, правительство вместе с тем подчеркивало права Кабинета на ясачную ренту с народов Сибири. Составители программы признавали, что «ясачный сбор по многим его неудобствам требует особого соображения, но все предложения, какие имеются в виду по сему предмету, не согласны в главных между собой основаниях». Свою задачу члены вновь созданного Сибирского комитета видели в том, чтобы «сообразить в подробности: какими именно средствами можно было устроить ясачный сбор с сибирских инородцев... чтобы этот сбор, не стесняя инородцев, не препятствовал обращению их к оседлости и не уменьшал доходов Кабинета» [6, л. 51, 84–85; 13; 14]. Национальная программа второго Сибирского комитета вопрос о судьбах народов Сибири решала с консервативно-охранительных позиций. Выражая традиционные пожелания улучшения быта аборигенов и привлечения их к оседлости, члены комитета не предполагали возможности серьезных реформ в скором будущем.

Позиции сибирского чиновничества принципиально не отличались от вышеизложенной программы. Тобольский губернатор В. А. Арцимович признавал необходимость лучшего «образования... управления» аборигенами, но не предлагал ничего конкретного [8, л. 1 об.]. Вывод о принципиальном единстве подходов центральной и местной администрации к решению «инородческого вопроса» подтверждается и при знакомстве с предложениями, исходящими от других представителей сибирской губернской администрации [30, л. 1–14].

Дальнейшее развитие программы правительства в отношении коренного населения Сибири находилось в неразрывной связи с разработкой крестьянской реформы для Сибири в целом и стремлением к пересмотру основных положений «Устава об управлении инородцев» 1822 г. В частности, предполагалось, что ревизия «инородческого» устава должна преследовать русификаторские цели. Начиная с 40-х и особенно в 50-х гг. XIX столетия в

высших правительственных сферах все чаще стали раздаваться голоса о необходимости полного подчинения сибирских аборигенов русскому законодательству. Еще в 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев высказался о необходимости распространения «действия законов общих» на коренных жителей [31, л. 39 об.]. Наиболее подробно этот вопрос изложил В. А. Арцимович в «Описании сибирского края» в 1857 г. Рассматривая Сибирь не только как место ссылки и наказания преступников, но прежде всего как неотъемлемую и одну из важнейших частей России, он предлагал провести ряд мероприятий «не только в видах устройства края... но и в видах извлечения из Сибири возможной для государства пользы и усиления политического значения «русского населения в крае» [9, л. 2–3]. Не случайно Арцимович ратовал за «коренную» реформу управления аборигенами на русификаторских началах [8, л. 1 об.].

С проблемой унификации управления русским крестьянством и коренным населением местная администрация вплотную столкнулась в середине 1850-х гг. в связи с организацией в Западной Сибири образцовых волостей. К образцовым относились волости, в которых после окончания реформы проводилось межевание земель [36, с. 132]. В октябре 1853 г. Совет Главного управления Западной Сибири признал необходимым ввести образцовое управление «для опыта в нескольких волостях оседлых инородцев». На эти волости следовало распространить «весь порядок волостного и сельского управления». Служебные обязанности должностных лиц в инородческих образцовых волостях практически не отличались от функций лиц крестьянского самоуправления. Это означало, что с введением нового порядка управления у оседлых аборигенов должно было произойти значительное сближение форм крестьянского и инородческого самоуправления. В Западной Сибири эта форма организации управления оседлыми аборигенами довольно скоро получила распространение. К концу 50-х гг. в Тобольской губернии было образовано 23 образцовые волости, в Томской губернии – 15 [8, л. 1 об.].

После поражения царизма в Крымской войне в условиях неудовлетворительного состояния сельского хозяйства, массового разорения крестьян, когда бюджетный дефицит стал хроническим недугом, правительство было вынуждено выискивать дополнительные источники пополнения государственной казны. В этой ситуации самодержавие вновь обратилось к Сибири, к ее коренным народам как потенциальным поставщикам ценного «мягкого золота». В правительственных кругах возник проект о перечислении кочевых аборигенов в разряд оседлых и сравнении их по платежу податей с государственными крестьянами. Его автором был управляющий сбором ясака в Восточной Сибири Полонский [13, с. 75].

Подобная картина наблюдается и в Западной Сибири. Весной 1864 г. по предложению А. Дюгамеля Комитет министров причислил несколько волостей оседлых инородцев Тобольской губернии к русским волостям Тобольского и Тюменского округов. Ходатайство о разрешении приписки аборигенов к русским волостям местная администрация пыталась подкрепить ссыл-

ками на необходимость «упорядочивания сбора подлежащих с них податей...». Однако первоначальный опыт оказался весьма неудачным. По признанию тобольского губернатора, податные сборы с аборигенов отнюдь не увеличились, а у «искусственно» соединенных в одни волостные управления крестьян и аборигенов происходили различные споры, нередко выливающиеся во «взаимный антагонизм». В конечном итоге волостные сходы стали просить об отчислении от них аборигенов, а последние, в свою очередь, отказывались от причисления к русским волостям [10, л. 2, 16 об.]. В условиях национально-колониальной политики самодержавия механическое объединение аборигенов и русских в рамках единых административных единиц не могло принести свободы коренному населению. Формы и методы этого процесса «не соответствовали его объективному прогрессивному содержанию, ибо они были обусловлены военно-феодалным характером господствующего в стране царского режима и эксплуататорской сущностью связанного с ним общественного строя» [21, с. 360]. Тем не менее в 1871 г. тобольский губернатор А. С. Сологубов вновь поднял вопрос о причислении оседлых инородцев губернии к русским волостям. На этот раз речь шла о всех оседлых аборигенах без исключения.

Помимо финансовых выгод, предполагаемые мероприятия должны были, по замыслу чиновничества, способствовать «успешному административному надзору, объявлению правительственных распоряжений, судебных приговоров» и т. д. [7, л. 4–4 об.]. Как видим, в обоснование будущих преобразований в качестве основных выдвигались фискальные и административные мотивы. Вопрос о соответствии уровня податного обложения действительной платежеспособности аборигенов даже не ставился, сами преобразования прогнозировались без всякого участия аборигенов.

Спустя два года аналогичный вопрос был поднят администрацией соседней Томской губернии. Однако причины, породившие его, были иными. Губернатор отмечал, что проживающее оседло коренное население в настоящее время совершенно обрусело, аборигены пользуются землей наравне с крестьянами, но размеры их податных платежей значительно ниже крестьянских. Кроме того, коренные жители были «совершенно избавлены от рекрутства». Такое привилегированное положение оседлых аборигенов по сравнению с русскими крестьянами представляло, по глубокому убеждению губернатора, «полную несправедливость». В силу указанных причин необходимость причисления оседлых аборигенов к русским волостям еще более усиливалось [34, л. 5–8 об.]. В сущности, позиции тобольского и томского губернаторов совпадали. Они признавали за благо причислить оседло проживающих аборигенов к русским волостям, а расходились лишь в обоснованиях этих предложений. Советские историки давно доказали, что подобное попечение на практике являлось одной из форм реализации национально-колониальной политики царизма, проводимой «прежде всего в интересах русского дворянства» [21, с. 361]. Новые проекты сибирской администрации вливались в общий тон правительственной политики и являлись прелюдией того откровенно реакционного курса, который устанавливается в 80-х гг.

XIX столетия и связывается с именами К. П. Победоносцева, Д. А. Толстого и др. [18, с. 35–81].

В 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков обратился в министерства внутренних дел и государственных имуществ с предложением, не дожидаясь итогов рассмотрения вопроса о поземельном устройстве сельского населения Сибири, незамедлительно причислить к русским волостям оседлых аборигенов Тобольской и Томской губерний. В отношении землепользования предлагалось оставить коренных жителей в прежних «границах и правах» [27, л. 222 об.–223]. В ноябре 1877 г. П. А. Валуев внес на рассмотрение в Комитет министров предложение Казнакова [26, л. 14]. Обсуждая его, члены Комитета министров отметили, что предлагаемые меры должны коснуться существенных сторон быта аборигенов. Особую настороженность участников обсуждения вызвало то обстоятельство, что проектируемые меры носили временный характер, в то время как, по их убеждению, всякое в этом смысле мероприятие должно было иметь «значение определенное». Рассматриваемый вопрос ввиду его важности требовал «особой осторожности», а в предложении Казнакова члены Комитета министров увидели элемент неуверенности. Этого было достаточно, чтобы вынести решение о необходимости дополнить представление генерал-губернатора новыми статистическими данными [28]. Осуществление этого решения, связанное со значительными трудностями, должно было охладить реформаторский пыл генерал-губернатора. Однако в следующем, 1878 г. он приказал собрать все необходимые сведения. Распоряжение было исполнено, но к рассмотрению собранных материалов местная администрация приступила лишь через 10 лет.

Весной 1889 г. в Тобольской губернии были образованы специальные окружные комиссии, которым поручалось всесторонне изучить вопрос о «возможности, полезности и необходимости присоединения инородческих обществ к русским волостям с подчинением их местным по крестьянским делам учреждениям». Итогом работы явилась специальная записка, содержащая мнения пяти окружных комиссий и заключение губернского совета. Лишь одна комиссия – Туринская – признала причисление аборигенов к русским волостям возможным и желательным. Остальные высказались более осторожно.

Тюменская окружная комиссия ввиду разности вероисповедания, языка, обычаев, обоюдного нерасположения друг к другу русских и инородцев причисление аборигенов к русским волостям признала «положительно невозможным».

Против проектируемых нововведений выступала и Тобольская комиссия, члены которой ссылались, с одной стороны, на нежелательность такого причисления, высказанную на инородческих сходках, и на различия в традициях общественной жизни русских крестьян и коренных жителей – с другой. Комиссия не считала возможным присоединение коренных жителей к русским волостям еще и потому, «что нравы и обычаи инородцев» были от-

лично от русских, которые подчас пренебрежительно относились к кореным жителям, считая их по религии «недостойными соприкосновения».

Члены комиссии Ялуторовского округа полагали, что присоединение аборигенов к русским волостям повлечет много злоупотреблений и неудобств по части землепользования. Неизбежность последних они видели в том, что населенные аборигенами земли должны были остаться в их пользовании и после присоединения к русским волостям. Комиссия в то же время высказалась в пользу организации самоуправления народов Сибири на основаниях общего положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. Распространение этих узаконений на коренных жителей должно было способствовать более обоснованной раскладке внутренних денежных сборов и развитию «поземельного дела» в хозяйстве аборигенов. Только в этом случае, указывается в решении комиссии, «устранится возможность того, что один пользуется многим, а другой малым, в то время как тот и другой несут повинности одинаково». В журнале заседания комиссии Тарского округа отмечалось, что присоединение аборигенов к русским волостям могло только затруднить деятельность волостных старшин по исполнению своих обязанностей и «вероятный выигрыш по успешному взысканию с инородцев податей был бы проигрышем во взыскании податей с русского населения». Члены комиссии доказывали, что предлагаемые мероприятия неизбежно носили бы искусственный характер. Все это заставило комиссию высказаться «безусловно» против присоединения аборигенов к русским волостям и против распространения на коренных жителей положения 19 февраля 1861 г. «вследствие неразвитости инородцев в гражданском отношении... и низшей их культуры». Приведенные материалы, отмечала комиссия, являются основанием не для причисления аборигенов к русским волостям, а для пересмотра действующих о них законов [34, л. 5–8 об.]. Однако заключения комиссий не были приняты во внимание членами губернского совета, который постановил ходатайствовать перед министром внутренних дел о разрешении причисления оседло проживающих аборигенов к русским волостям и о распространении на них действия закона 1 марта 1883 г., вводящего в Тобольской и Томской губерниях институт чиновников по крестьянским делам.

Подобные же представления поступали и от чиновников Восточной Сибири. Иркутский губернатор К. Н. Шалашников в 1873 г. обращал внимание правительства на необходимость подчинения аборигенов действию «общих законов». По его мнению, сохранение особых положений для управления аборигенами стало уже «не только бесполезным, но даже вредным» [29, л. 11 об.–12.]. В 1876 г. генерал-губернатор Восточной Сибири П. А. Фредерикс предложил подчинить аборигенов «общим действующим в России законам, сравнивая права и обязанности их с крестьянами» [28]. Преемник П. А. Фредерикса – А. Л. Анучин в отчете по управлению краем за 1880–1881 гг. резко выступил против сохранения «Сибирского учреждения» 1822 г., назвав его «анахронизмом, требующим окончательной отмены» [34, с. 122]. На необходимость изменения управления коренным населением региона указывал приамурский генерал-губернатор Корф [33, л. 1–3].

Эти проекты и предложения готовили почву для будущих преобразований. Однако к числу реализованных программ этого времени относится лишь реформа местного управления аборигенами в Иркутской губернии, осуществленная в 80-х гг. XIX в. Согласно реформе степные думы у бурят были упразднены. Вместо них учреждались более мелкие, но зато, по признанию царских чиновников, более гибкие административные единицы – инородные управы [20, с. 290], бывшие по уставу 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями. Вместе с ликвидацией степных дум были упразднены и должности тайшей – главных родоначальников, замещаемые преимущественно по наследству. Эта реформа была вызвана развитием капиталистических отношений в улусах, выдвинувшим на первый план нарождающегося кулачества. Анализ сведений о должностных лицах инородческого самоуправления позволяет заключить, что к этому времени выборы на должность новых людей постепенно вытесняют наследственное начало. Так, у хакасов Енисейской губернии ведомства Кизильской степной думы все 45 должностей родового управления занимали выборные лица православного исповедания. Аналогичная картина наблюдается в Иркутской губернии. Однако, несмотря на старания местной администрации обеспечить приоритет выборных должностных лиц из христиан, этого не удалось добиться. В Верхоленском округе, например, 58,7 % должностных лиц исповедовало шаманизм, 8,4 % – ламаизм. Иная картина наблюдается в густонаселенном русскими крестьянами Балаганском округе. Здесь из 218 должностных лиц лишь 13 человек, т. е. 6 %, принадлежали к язычникам. В Нижнеудинском округе все 16 должностных лиц бурят и тофаларов занимали должности по выборам и исповедовали православие [5, л. 5–44]. В Якутской области во главе родов, наслегов и улусов стояли выборные лица [22, с. 48]. Аналогичное положение сложилось в Западной Сибири [11].

Имущественное положение выборных должностных лиц не может быть проиллюстрировано из-за отсутствия точных массовых данных. Но бесспорно, что многие из них были людьми состоятельными, о чем свидетельствует неухающая борьба между бедняцким и зажиточными полюсами улусов, «рекомендации» царских законов отдавать предпочтение при выборах людям «крепкого достатка» [4, л. 3–42 и др.]. Однако наряду с этим родоначальниками подчас являлись лица и среднеимущие, размеры хозяйства которых не отличались от размеров хозяйства рядовых улусников [19, с. 292–299]. Следует отметить, что в некоторых исследованиях высказывается мысль о складывании в XVIII – первой половине XIX в. процесса частной собственности родоначальников на землю, например, у алтайцев и якутов [1, с. 292–293; 2, с. 84, 110; 23, с. 263–270]. Г. П. Башарин распространяет этот тезис и на начало XX в. [2, с. 84]. Однако никто из исследователей, разделяющих эту точку зрения, не смог привести документальных материалов о существовании земельной ренты рядовых улусников в пользу родоначальников. Имеющиеся в литературе примеры «темных поборов» и т. д. следует рассматривать лишь как факты злоупотребления родоначальниками служебным положением, но отнюдь не как плату рядовых тружени-

ков за пользование землей, якобы принадлежащей родоначальникам. Материалы о развитии царского законодательства по аграрному вопросу и землеустройству убедительно свидетельствуют о том, что самодержавие никогда не допускало мысли о принадлежности сибирских земель местным народам. Монопольное право владения и распоряжения этими землями всегда оставалось за государством. Не случайно закон 8 июля 1901 г. «Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири» навсегда запрещал инородцам приобретение земель в собственность [24]. Экономическим и юридическим собственником земли являлось государство, а народы Сибири, в том числе родоначальники, тойоны и т. д., были лишь пользователями.

Таким образом, в 70–80 гг. XIX в. правительство и местная администрация признали необходимым изменить организацию управления народами региона. В правительственных кругах все отчетливее наблюдается тенденция к подчинению аборигенов русскому законодательству. Однако конкретных реализованных предложений было в принципе немного. Самодержавие считало, что аграрная реформа должна предшествовать административным преобразованиям.

Тенденция к сближению системы управления русским крестьянским и коренным населением объективно отражала процесс усиления взаимного влияния народов Сибири в ходе дальнейшей колонизации края и развития капитализма вширь. Ее реализация могла привести к отмене системы управления аборигенами, основанной на родовых началах «Устава» 1822 г., что объективно имело бы прогрессивное значение. Однако на практике эта идея подменялась и извращалась реакционными (фискальными, русификаторскими и др.) целями внутренней политики царизма, что порождало разнообразные формы национального угнетения, распространявшиеся как на отсталые народы, так и на сравнительно развитое население.

Основные направления будущих преобразований были изложены иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым в специальной «Программе деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет» [3]. Если представители губернской администрации только настаивали на реформе управления аборигенами, не выдвигая в то же время никаких конкретных предложений и отдавая вопрос о разработке реформы на откуп самому правительству, то проект А. П. Игнатьева содержал конкретные рекомендации, связанные прежде всего с введением института земских начальников в Сибири. Конечную цель проекта автор сформулировал коротко и ясно как «обрусение «инородцев» [18, с. 58–63; 19, с. 71–75; 25, л. 9]. Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучавшее при слушании его отчета в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа император с восторгом написал: «Да! Весьма пора» [32, л. 12].

Таким образом, отметим, что в имперской административной политике по отношению к народам Сибири на протяжении всего XIX в. можно наблюдать эволюцию от косвенной системы управления к управлению по

крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму М. М. Сперанского возникает замысел о ликвидации сословия инородцев как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав многонационального Российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания.

Список литературы:

1. *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е гг. XVIII в. – середина XIX в.) / Г. П. Башарин. – М. : АН СССР, 1956. – 428 с.
2. *Башарин Г. П.* Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX в. – Якутск : Кн. изд-во, 1974. – 216 с.
3. Библиотека РГИА. – Печат. зап. – № 131.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. К. 2031. Д. 42.
5. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2690. Д. 176. Л. 5–44.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. I эксп. Д. 135.
7. ГАРФ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 6776. Л. 4–4 об.
8. ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.
9. ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 50.
10. ГАРФ. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 14. Ч. 2. Л. 2, 16 об.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 45. Д. 1257.
12. *Гефтер М. Я.* Из тех и этих лет / М. Я. Гефтер. – М. : Прогресс, 1991. – 481 с.
13. *Дамешек Л. М.* Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1983. – 136 с.
14. *Дамешек Л. М.* Особые комитеты как органы управления окраинами империи XIX – начала XX в. / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // *Palmarium Academic Publishing is a trademark of LAP : LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co*, 2012. – 65 с.
15. *Дамешек Л. М.* Ясак в Сибири в XVIII–XX вв. / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 302 с.
16. *Дамешек Л. М.* Закон 1898 г. о крестьянских и инородческих начальниках Сибири: . обсуждение и разработка / Л. М. Дамешек., И. Л. Дамешек // *Гуманит. науки в Сибири.* – Новосибирск, 2016. – № 1. – С. 58–63.
17. *Дамешек Л. М.* Проведение в жизнь «Временного положения о крестьянских и инородческих начальниках Сибири 1898 г.» / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // *Гуманит. науки в Сибири.* – Новосибирск, 2016. – № 2. – С. 71–75.
18. *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия / П. А. Зайончковский. – М., 1970.
19. *Залкинд Е. М.* Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX в. / Е. М. Залкинд. – М., 1970. – 400 с.
20. История Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ : Бурят-монг. кн. изд-во, 1956. – Т. 1. – 495 с.
21. История СССР с древнейших времен до конца XVII в. - 1964. - 418 с.
22. Памятная книжка Якутской области на 1896 г. – Якутск, 1895. – Вып.1. – С. 48.
23. *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев / Л. П. Потапов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.

24. ПСЗ-3. Т. 21. Отд. 1. № 20338.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 1. Д.73. Л. 9.
26. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Л. 79. Л. 14.
27. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3925. Л. 222 об.–223.
28. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4044. Ст.473.
29. РГИА. Ф. 1264. Оп.65. Д. 236. Л. 11 об.–12.
30. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–14.
31. РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63.
32. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 200. Л. 12.
33. РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 14. Л. 1–3.
34. РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 2. Л. 5–8 об.
35. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь : административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск : Изд-во Ом. ун-та, 1995. – 237 с.
36. *Топчий А. Т.* Крестьянские реформы в Сибири / А. Т. Топчий. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. – 275 с.

“Make Russians out of Non-Russians of Siberia...” (On the Unification of the System of Government of Russian Peasants and Indigenous People of Siberia in the Second Half of the XIXth Century)

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article considers some suggestions of the Siberian and St. Petersburg officials on abolition of the estates of Siberian Non-Russians and conferring them the same status as Russian peasants.

Keywords: Siberia, Non-Russians, Russian peasants, governance, unification.

Дамешек Лев Михайлович

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедры истории России
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-05-22
e-mail: levdameshkek@gmail.com*

Dameshek Lev Mikhailovich

*Doctor of Sciences (History), Head,
Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-05-22
e-mail: levdameshkek@gmail.com*